

Танели Доброволски

**НЕОЛОГИЗМЫ "СПЕЦИАЛЬНОЙ
ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ"**
Язык на службе войны

Факультет информационных технологий и коммуникационных наук

Бакалаврская работа

Апрель, 2023

АННОТАЦИЯ

Доброволски, Танели : Неологизмы "специальной военной операции". Язык на службе войны

Бакалаврская работа

Университет Тампере

Бакалаврская программа по языкам: русский язык

Апрель, 2023

Начало полномасштабной войны вводом российских войск в Украину в феврале 2022 года привело к появлению в русском языке новой лексики военной тематики. Эта лексика активно используется как в «провоенных» так и в «антивоенных» медиатекстах – в речах представителей политической власти, в материалах государственных и оппозиционных СМИ, а также в антивоенных публикациях.

Объектом исследования в данной работе являются лексические инновации, то есть неологизмы, связанные с войной в Украине и ее политическими, социальными и общественными последствиями. Главное внимание уделяется словам или фразам, которые начали встречаться в русскоязычных медиатекстах с 24 февраля 2022 года.

Данная работа знакомит читателя с современной неологией и неографией русского языка. В работе описаны базовые принципы образования новых слов, а также теории определения неологизмов и окказионализмов. Также в работе рассматриваются способы классификации неологизмов.

Путем анализа собранного для данной работы корпуса неологизмов, автор работы рассматривает основные способы словообразования «военных неологизмов», а также более подробно анализирует букву Z как символ войны и один из часто употребляемых элементов для образования новых слов. Автор также проводит классификацию типов речей, в которых те или иные «военные неологизмы» используются.

Исследование показало, что новообразованиями описывают врага, войну и ее последствия, а также различные новые, социальные, общественные и политические явления и реалии, связанные с войной. Неологизмы, созданные для описания войны и ее последствия, служат одновременно нескольким целям: их используют для повышения экспрессивности и приданию эмоциональной окраски описываемым субъектам (например, для дегуманизации и унижения «врага») или явлениям, они служат для целей лингвистической экономии, а также, для иронизирования над явлениями войны.

Официальная военная речь использует военные неологизмы в основном для эвфемизации реальных понятий, таких как война, фронт, и т. д. Неологизация и эвфемизация официального военного лексикона привела к появлению так называемого «новояза», который за прошедшие последние месяцы стал официальным и единственным «разрешенным языком», позиция которого закрепляется в России законодательством.

Ключевые слова: лингвистика, война, неологизмы, окказионализмы

Оригинальность исследования проверена с помощью программы Turnitin OriginalityCheck

TIIVISTELMÄ

Taneli Dobrowolski : Neologizmy "spetsial'noi voennoi operatsii". Yazyk na službe vojny / "Sotilaallisen erikoisoperaation" uudissanasto. Kieli sodan palveluksessa

kandidaatintutkielma

Tampereen yliopisto

Kielten tutkinto-ohjelma, venäjän opintosuunta

Huhtikuu 2023

Venäjän helmikuussa vuonna 2022 aloittama laajamittainen hyökkäyssota Ukrainassa on synnyttänyt venäjän kieleen uutta sotaan liittyvää terminologiaa, jota käytetään aktiivisesti niin sotaan puolustavissa kuin sitä vastustavissakin mediateksteissä. Sitä esiintyy poliittisen vallan edustajien puheissa, valtiollisten ja oppositiomielisten tiedotusvälineiden materiaaleissa sekä sodanvastaisissa julkaisuissa.

Tämän työn tutkimuskohteena on venäjän kielen uudissanasto, joka liittyy Ukrainassa käynnissä olevaan sotaan ja sen poliittisiin, sosiaalisiin ja yhteiskunnallisiin seurauksiin. Tutkimuksen päähuomio on sanoissa ja fraaseissa, joita on alettu käyttää venäjänkielisissä mediateksteissä 24.2.2022 jälkeen.

Tutkielmassa paneudutaan venäjän nykykielen uudissanatutkimukseen: neologiaan ja neografiaan. Työssä kuvataan uudissanamuodostuksen peruserätykset ja uudissanon ja okkasionalismien eli tilapäismuodostusten määrittelyn teoreettisia viitekehyksiä. Työssä tarkastellaan myös neologismien luokittelutapoja.

Tutkielmassa analysoidaan kerätyssä korpuksessa esiintyvien sotaan liittyvien uudissanon yleisimpiä sanamuodostustapoja ja perehdytään tarkemmin sotaan symboloivaan Z-kirjaimen, joka on yksi yleisimmän sotaan liittyvissä uudissanon käytetyistä morfeemeista. Sotaan liittyvien neologismien käyttöä mediateksteissä tarkastellaan myös luokittelemalla ne diskursiivisten puhetapojen perusteella.

Analyysi osoittaa, että uudissanon käytetään ennen kaikkea vihollisen, sodan ja sen seurausten sekä niihin liittyvien uusien sosiaalisten, yhteiskunnallisten ja poliittisten ilmiöiden kuvaamiseen. Sotaan liittyvä uudissanasto palvelee samanaikaisesti useita tarpeita: uudissanon käytetään sodan ilmiöiden ja sodan osapuolten kuvailussa, kun tarkoituksena on lisätä ilmaisuvoimaa ja tunnelatausta (esimerkiksi vihollisen epäinhimillistämiseksi tai alentamiseksi), lyhentää pitkiä ilmaisuja sekä ironisoida sotaan liittyviä ilmiöitä.

Venäjän valtiollisten toimijoiden käyttämä virallinen sotaan liittyvä uudissanasto puolestaan hyödyntää neologismeja useissa tapauksissa sotaan liittyvien reaalisten tapahtumien ja ilmiöiden (kuten sota, rintama jne.) kuvaamiseen kiertoilmauksin. Tämä on johtanut eräänlaisen orwellilaisen uuskielen syntymiseen, josta on sodan alettua tullut lähes ainoa "sallittu kieli" Venäjällä. Sen virallista asemaa tuetaan myös Venäjän lainsäädännöllä.

Avainsanat: Kielentutkimus, sota, neologismit, okkasionalismit

Tämän julkaisun alkuperäisyys on tarkastettu Turnitin OriginalityCheck –ohjelmalla.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	1
1.1. Объект и цель исследования.....	2
1.2. Материал анализа	4
2. Исследование новых слов.....	4
2.1. Неологизация современного русского языка.....	4
2.2. Неология и неография.....	6
3. Рождение нового слова.....	7
3.1. Неологизмы.....	7
3.2. Теории определения и характеристики неологизмов	8
3.3. Классификация неологизмов.....	11
3.4. Окказионализмы.....	13
4. Военные неологизмы Специальной военной операции	15
4.1. Z как символ войны и военная морфема	16
4.2. Аффиксальное словообразование при помощи буквы Z.....	16
4.3. Субституция буквы З	18
4.4. Z-Окказионализмы	19
4.5. Официальный военный новояз.....	20
4.6. Провоенная и антивоенная речь.....	21
5. Обсуждение результатов	23
5.1. Категоризация «военных неологизмов».....	24
5.2. Список «военных неологизмов»	25
Заключение	28
Список источников	31
Исследовательский материал.....	31
Литература	32

ВВЕДЕНИЕ

Язык играет важную роль в коммуникации и обмене информации между людьми, служит инструментом осмысления мира, и является основным средством выражения мыслей и мнений о происходящем в окружающем нас мире. Язык накапливает, хранит и передает информацию. С помощью языка формируются новые понятия, во многом определяющие окружающую действительность.

Начало полномасштабной войны вводом российских войск в Украину и в феврале 2022 года и последовавшие быстрые и ощутимые изменения в политической и общественной обстановке в России, привели к появлению новой военной терминологии и лексики, при помощи которой описывается новая реальность. Новая военная лексика стала часто встречаться в речах и выступлениях высшего руководства и должностных лиц Российской Федерации, в новостных сюжетах СМИ, в текстах военных аналитиков и политологов, в политических ток-шоу телевидения, а также в многочисленных публикациях в социальных сетях.

Один из самых распространенных в российском медийном пространстве и, пожалуй, самый узнаваемый фразеологический неологизм, это *специальная военная операция*. Фраза была озвучена впервые в ходе обращения Президента Российской Федерации В. В. Путина утром 24 февраля. В обращении он рассказал о своем решении о проведении *специальной военной операции*.

[---] В связи с этим в соответствии со статьёй 51 части 7 Устава ООН, с санкции Совета Федерации России и во исполнение ратифицированных Федеральным Собранием 22 февраля сего года договоров о дружбе и взаимопомощи с Донецкой Народной Республикой и Луганской Народной Республикой мною принято решение о проведении специальной военной операции. (Kremlin.ru 2022a, www).

Данное словосочетание вошло в активный обиход буквально сразу после того, как оно было озвучено президентом. В официальных речах представителей власти, в медиатекстах государственных СМИ, а также в лексике тех людей, кто оправдывает и поддерживает *операцию* в Украине, фраза *специальная военная операция* (также, как и ее аббревиатура *СВО*) используется главным и в официальных источниках чаще всего используемым определением того, что было начато 24 февраля 2022 года. С другой точки зрения, этот неологизм воспринимается как политически окрашенный, пропагандистский эвфемизм полноценной войне, и служит наглядным примером так

называемого «оруэллского новояза¹», который по мнению многих, за прошедшие последние месяцы стал официальным и единственным «разрешенным языком» в России.

В официальной военной лексике подобный «военный новояз» закрепляется и законодательством, так как использование альтернативного термина *война* в связи с тем, что происходит в Украине, было в России фактически запрещено уже в марте 2022 года. Запрета последовала череда блокировок сайтов² а также многочисленные наказания – начиная от многотысячных штрафов до лишения свободы гражданам, которые продолжали использовать данный термин в своих публичных материалах, выступлениях или текстах.

В своем обращении от 24 февраля Президент озвучил также и несколько других примеров военных неологизмов, например, таких как; *киевский режим, антинародная хунта, анти-Россия и денацификация*. Данные примеры, пожалуй, одни из самых известных, но отнюдь не единственные в длинном списке военных неологизмов, которые вошли в широкий оборот после 24 февраля 2022 года.

Неологизмы, связанные с войной и ее политическими и социальными последствиями, используются активно всеми сторонами войны – от политической власти, государственных СМИ и одобряющей «операцию» части населения, до тех «несогласных», которые открыто критикуют войну.

1.1. Объект и цель исследования

Объектом исследования в данной работе являются неологизмы, связанные с войной в Украине и ее политическими и социальными последствиями. В своей работе автор рассматривает прежде всего те неологизмы, которые в течении периода 24.2.2022-

¹ Новояз (от английского Newspeak) - вымышленный язык, который писатель Джордж Оруэлл представил в своем романе «1984», вышедшем 1949-ом году. В конце романа Оруэлл включил эссе «Принципы новояза», в котором он описывает новояз как язык тоталитарного государства, который служит тоталитарному режиму и в котором слова теряют свой изначальный смысл.

² По данным некоторых независимых российских СМИ, Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), уже в конце февраля 2022 года направила нескольким русскоязычным СМИ требование удалить материалы, в которых «проводимая Россией в Украине операция» была названа «войной». (Meduza.io 2022a, www). Одним из примеров блокировки сайта издания из-за использования в материалах данного слова является блокировка сайта издания Krasnews.com 28 марта 2022. Позже Генеральная прокуратура Российской Федерации уточнила, что поводом блокировки стало в том числе упоминание на сайте слова «война». (BBC.com 2022a, www).

31.12.2022 неоднократно встречались в русскоязычных медиатекстах, в том числе – в официальных публикациях государственной власти, новостных материалах государственных и оппозиционных СМИ, а также в материалах популярных общественных комментаторов и военных обозревателей и аналитиков в социальных сетях Ютуб и Телеграм³. Для удобства – далее в этой работе вышеописанные объекты будут называться «военными неологизмами».

Целями данной работы является 1) собрать корпус наиболее частотных военных неологизмов, которые чаще всего встречаются в русскоязычных медиатекстах 2) ознакомить читателя с основными понятиями словообразования современного русского языка и определениями слов-неологизмов, а также 3) через нескольких наиболее интересных и достойных внимания примеров «военных неологизмов», провести более подробный анализ их лингвистическо-семантических свойств.

В качестве одного из результатов данной работы, автор исследования намерен проверить далее перечисленные гипотезы, которые у него образовались путем эмпирических наблюдений: 1) «военные неологизмы» можно разделить на две категории («провластные» и «оппозиционные» или «провоенные» и «антивоенные») исходя из того, кто и ими пользуется в каком контексте, 2) «антивоенные неологизмы» почти не встречаются в про-военных материалах. «Провоенные неологизмы», в свою очередь, встречаются в антивоенных материалах, но в основном как объекты критики, иронизирования или насмешек, 3) по меньшей мере некоторая часть «антивоенных неологизмов» адаптировались в российских медиатекстах из украинских источников, и 4) часть из часто встречаемых за последние месяцы военных неологизмов, сформировались уже в 2014 году, а возможно и ранее, в последствии «Оранжевой революции» 2004 года.

³ После того, как Тверской районный суд Москвы в 21 марта 2022 года призвало соцсети Instagram и Facebook экстремистскими и запретила их работу в России (TASS 2022, [www](#)), именно Ютуб и Телеграм из популярных соцсетей (по числу активной аудитории) остаются единственными, которые не контролируются государством и пользование которых не заблокировано на территории России (Brand Analytics 2022, [www](#)).

1.2. Материал анализа

Представленный в этой работе корпус «военных неологизмов» составлялся автором исследовании путем прочитывания и просматривания текстов, подкастов и видеоматериалов на тему войны в Украине. Выборка терминологии опиралась на интуитивную основу, то есть в корпус выбирались те термины, которые в авторе данной работы возбуждали эффект или чувство новизны.

Главным исходным материалом было использовано множество русскоязычных источников, в том числе: 1) обращения Президента Путина, опубликованные на сайте Президента России 2) новостные статьи на сайтах государственных новостных агентств 3) новостные статьи и авторские колонки на сайтах «оппозиционных СМИ», 4) видеоматериалы популярных оппозиционных Ютуб-каналов, 5) подкасты на военную тематику. Также для сбора военных неологизмов были использованы некоторые статьи и видеоматериалы на тему неологизмов в современной России.

2. ИССЛЕДОВАНИЕ НОВЫХ СЛОВ

Язык, как коммуникационное средство общения, играет важную роль в обмене информации между людьми. Так как мир вокруг нас постоянно меняется, так же и язык должен динамично развиваться по мере этих изменений – иначе он не сможет выполнять свои коммуникационные функции. Как писал А. М. Горький – «Русский язык неисчерпаемо богат и все обогащается с быстротой поражающей» (Котелова 1978, 5 > Горький А. М. 1953: Собр. соч. в 30-ти т.).

2.1. Неологизация современного русского языка

Изменения в языке происходят особенно интенсивно в эпохи политических и экономических преобразований. В истории России периодами бурных общественных преобразований, были, например; Октябрьская революция, основание СССР и коллективизация, Великая отечественная война и ее последствия, технологический процесс и его прорывы в 50-х и 60-х годах, а также, те события и глубокие социально-политические и экономические перемены, которые последовали распаду СССР в 1990-х годах.

Язык очень хороший диагност, он ставит диагноз состоянию общества мгновенно. Если начинается взрыв языкового творчества — значит, общество взволновано. (Туркова 2013, www).

Е. В. Сенько в своей работе «Нелологизация в современном русском языке: межуровневый аспект», выделяет из прошедшего столетия два самых активных периода неологизации (пополнение словарного состава и лексикона языка путем неологизмов) русского языка. Оба периода связаны с крупными социальными потрясениями в стране: с революцией 1917 года и перестроечным периодом конца 80-х и начала 90-х. Между этими двумя периодами располагался долгий период стабилизации и стандартизации русского языка. (Сенько 2007, 20).

С точки зрения неологизации русского языка, особенно активным периодом был рубеж XX-XXI веков. Тогда волна политических, экономических и общественных перемен охватившая все постсоветское пространство и привела к интенсивному процессу неологизации русского языка. Падение железного занавеса открыло окно на запад и привело к необходимости наименования новых реалий в постсоциалистическом пространстве. Лавинообразный характер процесса неологизации языка объясняется также его освобождением от строгих советских норм, стандартизации и цензуры. (Moilanen 2006, 50).

В постсоветское время, в 90-х годах прошлого столетия, активному обновлению словаря служили прежде всего печатного СМИ, а особенно тексты, опубликованные в газетах и периодических изданиях.

Язык СМИ стал средоточием тех процессов, которые происходят в разных сферах русского языка, от областей высоких и нейтральных до сниженных, пронизанных элементами жаргона и просторечия. (Попова, Т. В. 2005: 5).

Большая часть слов-неологизмов, которые тогда вошли в активный оборот, служили для наименования тех явлений или понятий, которых в России ранее не было. Другая часть, в свою очередь, была как-бы «ненужными», так как они наименовали такие явления, для которых в русском языке уже существовали свои слова. (Moilanen 2006, 49).

В постсоветский период границы между официальным и неофициальным, между общественным и частным языками начали стираться, и в текстах СМИ стали все чаще появляться разговорные, жаргонные и субкультуры выражения, также, как и новые слова, чаще всего заимствованные из английского языка. Интенсивность изменения стилистики официального языка СМИ можно рассматривать как «освобождение» от того официального, регулируемого цензурой, языка средств массовой информации советского периода. (Moilanen 2006, 49).

Для наглядного примера такого «языкового освобождения», достаточно сравнить две позднесоветские информационно-аналитические телепрограммы: Программу «Время» с ее строго-формальными дикторами с нормативной русской речью – и программу «600 секунд», с ведущим Александром Невзоровым и его артистичным, прямолинейным и дерзким стилем речи.

2.2. Неология и неография

Динамичность и открытость являются существенными признаками любого живого языка, и они всегда интересовали лингвистов. Процесс неологизации русского языка рубеже XX-XXI веков был особенно заметным, что способствовало актуализации тех проблем, которые связанные с анализом и исследованием языковых инноваций (Попова 2005, 5).

Заниматься исследованием и описанием новых слов в России начали уже в XVIII веке. Первый словарь новых слов и выражений, «Лексикон вокабулам новым», вышел по указанию Петра I. В следствии того, что при Петре I Россия «прорывала окно в Европу», в словарь вошли в основном распространенные тогда в русском языке заимствования из западноевропейских языков. (Там же, 115).

Как самостоятельная научная лингвистическая дисциплина, неология начала формироваться только в 50-х и 60-х годах прошлого века. Значимый вклад в развитие неологии как научной дисциплины, внес Словарный отдел Института лингвистических исследований РАН, и в частности его научные сотрудники Ю. С. Сорокин и Н. З. Котелова. Благодаря им, собирание и изучение лексических инноваций русского языка, приобрело научную основу (Сенько 2007, 8). Проблемам новообразования слов в разное время посвящали свои работы также и другие ученые-лингвисты, такие как В. В. Виноградов, Г. О. Винокур, А. Г. Горнфельд, А. И. Смиринцкий, И. И. Срезневский и др. (Попова 2005, 6).

В 70-е, как отдельный раздел неологии, формируется неография, целью которой является заниматься лексикографическим (теория и практика составления словарей) описанием русского языка. Неография вносит новообразования в издания толковых словарей, создает дополнения к уже существующим словарям, а также собирает неологизмы в специальные словари новых слов. (Там же, 115.).

До 60-х годов прошлого века в русской лексикографии неологизмы фиксировались в словарях русского языка, но такие словари не являлись словарями неологизмов в прямом смысле. Над словарями именно новых слов лингвисты, во главе с доктором филологических наук Н. З. Котеловой, начали работать только в 60-х, открыв таким образом новое лексикографическое направление в русском языке. (Там же, 116.).

3. РОЖДЕНИЕ НОВОГО СЛОВА

Важность словообразования в русском языке нельзя переоценить. Только благодаря активному и постоянному словообразованию язык способен аккуратно и точно отражать все стороны жизни страны и ее народа (Земская 1992, 5). В данном разделе мы рассмотрим теории, которые определяют термин неологизм, разберемся и причинами появления неологизмов, а также рассмотрим самые обычные способы словообразования.

3.1. Неологизмы

В современной российской лингвистике используется несколько терминов, которыми описывают лексические новообразования, то есть новые слова или фразеологизмы: **неологизмы**, **лексические инновации** и **новообразования**. Все эти три термина близки по содержанию, но наиболее распространенным из них является термин **неологизм** (Попова 2005, 5). В данной работе будут в основном использоваться термины неологизм и новообразование.

Как отмечает энциклопедия «Русский Язык», слово неологизм происходит от двух слов греческого языка: *néos* – новый и *lógos* – слово. В энциклопедии неологизмы определяются как слова, значения слов или сочетания слов, которые появились в языке определенный период в каком-либо тексте или в речи. Появление новых слов объясняется потребностью общества в именовании всего нового. Также неологизмы возникают по причине различных внутриязыковых факторов, таких как задачи стилистики и выразительности речи или стремление к экономии или унификации языка (Караулов 1997, 262)

3.2. Теории определения и характеристики неологизмов

Как определить неологизм? Термин неологизм до сих пор не имеет однозначного определения, несмотря на то, что неология, как научная дисциплина, развивается уже с 60-х годов. На данный момент есть уже множество лингвистических теорий, которые пытаются определить основу и природу неологизма. По мнению Н. З. Котеловой, одной из основных исследователей русской теоретической лексикологии, таких теорий можно выделить шесть (Попова 2005, 8).

1) Согласно **стилистической теории**, неологизм — это выражение, в котором пользователь языка чувствует эффект новизны. По определению А. В. Калинина (1966) чувство новизны может вполне быть единственным критерием неологизма. Другие исследователи расширяют набор критериев. Так, например, в работах Е. В. Сенько, общим для неологизмов является их необычность, свежесть и их малоизвестность в широком потреблении. (Там же, 9).

В данном определении присутствует несколько проблем. Во-первых, само понятие новизны достаточно размытое и недостаточно конкретное, и поэтому требует уточнения. Во-вторых, само ощущение новизны языковой единицы является субъективным и индивидуальным, и поэтому может варьироваться зависимо от человека-носителя языка. В-третьих, так как ощущение новизны связано с конкретными носителями языка и их жизненной компетенцией, такое определение носит не лингвистический, а скорее *психолингвистический* характер. (Там же, 10-12).

Из вышеописанного следует, что субъективность и «психолингвистичность» критерия новизны не позволяют им быть объектами лексикографии. Стилистическая теория также не учитывает того, что известность носителю языка какой-либо языковой единицы, зависит в большой степени от частоты ее употребительности. В этой теории также не учитывается то, что ощущение новизны может быстро утратиться вследствие активного употребления слова в коммуникации. (Там же, 12-13).

2) **Психолингвистическая теория** делает акцент на индивидуальный и субъективный подход, и определяет неологизм как языковую единицу, которая ранее не встречалась в индивидуальном опыте носителя языка. Данная теория особенно активно разрабатывалась учеными Тверского университета, которые проводили над ней экспериментальные исследования. Проведенные исследования показали, что зависимо от жизненного опыта и степени знания носителя языка, «новыми» словами могли быть

отмечены также и архаические слова, которые носителю языка ранее просто не встречались. (Там же, 14).

3) **Лексикографическая теория** определяет неологизм как слово, которое отсутствует в современных словарях, то есть оно еще «не успело» закрепиться в языке на лексикографическом уровне. Такому подходу придерживаются, например, в английской и французской школах исследования неологии. Стоит отметить, что, во-первых, как замечают авторы учебного пособия «Неология и неография современного русского языка», данная теория не учитывает того, что неологизмы могут существовать как в письменной, так и в устной формах речи. (Там же, 14-15).

Во-вторых, лексикографическая теория не обращает внимания на обстоятельственные внешние факторы, так как фиксация новых слов в словарях зависит в целом от развития и активности лексикографии в той или иной конкретно взятой стране – то есть в частности от того, сколько и как часто словари неологизмов выпускаются, или по каким принципам и критериям создатели таких словарей определяют новые языковые единицы. (Там же, 14-15).

4) **Денотативная теория** является одной из самых распространенных из теории неологизмов. Она, начиная с 60-х годов, представляется в нескольких словарях и научных работах российских лингвистов (О. С. Ахманова, В. А. Козырев, В. Д. Черняк и другие). Теория опирается на то, что неологизмы, это в первую очередь языковые единицы, которые обозначают новые явления или новые понятия. (Там же, 14-15).

Преимущество этой теорий кроется в том, что слова, обозначающие новые реалии и понятия, действительно являются самой многочисленной группой неологизмов – и что особенно четко видно в словообразующих тенденциях 90-х годов. У денотативной теории – также, как и у других ранее описанных теорий – тоже есть свои недостатки, так как неологизмы не всегда рождаются именно для обозначения новых явлений или понятий. Поэтому данная теория не учитывает внутриязыковые процессы появления неологизмов, в том числе стремление к экспрессивности, выразительности, или экономии речи. (Там же, 14-15).

5) **Структурная теория**, также, как и стилистическая и психолингвистическая теории, опирается на новизну, но не с точки зрения субъективного восприятия носителя языка, а как структурной новизны языка. Теория определяет неологизмы как слова, с абсолютно новой, ранее не встречавшейся формой. Чаще всего такие неологизмы созданы

искусственно, и они являются заимствованиями, аббревиатурами или звукоподражаниями. Недостаток данной теории в том, что такие неологизмы встречаются весьма редко в обычной, «живой» речи носителей языка. Другой недостаток этой теории в том, что подавляющее большинство новых слов русского языка имеют связанные отношения и сходства с другими словами, и образуются с помощью уже известных средств русского словообразования. (Там же, 16-17).

Несмотря на вышеперечисленные недостатки этой теории, в данной работе на нее следует обратить особое внимание, так как некоторые из неологизмов войны на Украине являются именно искусственно созданными, семантическими-неологизмами (например, морфема *Z*) или аббревиатурами (*СВО*).

б) **Конкретно-историческая теория**, озвученная Н. З. Котеловой, включает в себя определение новизны, но для более корректного представления о сущности неологизма, уточняет его с точки зрения конкретного времени и языкового пространства. Временная конкретизация выделяет неологизмам временные рамки, в пределах которых они существуют. Теория дает возможность выявлять и исследовать неологизмы внутри определенного исторического периода, например, времени перестройки, или как в нашем случае – периода полномасштабной войны в Украине. (Там же, 18-19).

Второй конкретизатор определения неологизмов согласно теории Котеловой, это показатели социально-языкового пространства – то есть сферы и жанры употребления языка. В данной теории существует и третий конкретизатор неологизма. Им является определение типа новизны языковой единицы, например, 1) новое значение слова или фразеологизма (семантический неологизм), 2) новая форма, или 3) и то и другое вместе. (Там же, 18-19).

В словаре-справочнике «Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х годов», Н. З. Котелова определяет новые слова следующим образом:

«Собственно новые, впервые образованные или заимствованные из других языков слова, так и слова, известные в русском языке и ранее, но или употреблявшиеся ограниченно, за пределами литературного языка, или ушедшие на какое-то время из активного употребления, а сейчас ставшие широко употребительными», а также «производные слова, которые как бы существовали в языке потенциально и были образованы от давно образовавшихся слов по известным моделям лишь в последние годы (из регистрирую письменные источники только последних лет)». (Попова, Т. В. 2005: 20 > Котелова 1971: 7.)

Как мы видим, из вышеперечисленных теорий определения неологизмов, самой пригодной к использованию в этой работе является конкретно-историческая теория

Котеловой, так как она включает в себя определения временного периода (в данной работе период, который начинается с речи В. В. Путина 24 февраля 2022 года), также, как и показатели социально-языкового пространства (военный лексикон в русскоязычных медиатекстах).

Кроме того, следует уделить внимание также и стилистической и психолингвистической теориям, так как первоначальный отбор военных неологизмов осуществлялся автором работы путем субъективного чувства эффекта новизны в подборке новых слов из исходных материалов.

3.3. Классификация неологизмов

Так как лексические инновации в русском языке многообразны, существует множество способов классификации неологизмов. Во-первых, их типология может проводиться так же, как и типология любых других обычных слов русского языка с учетом различных свойственных этим словам признаков. Во-вторых, классификация неологизмов может проводиться, опираясь на те признаки, которые свойственны именно к неологизмам. (Попова 2005, 43).

В учебном пособии «Неология и неография современного русского языка» перечисляется четыре способов классификации 1) вид языковой единицы, 2) степень новизны, 3) вид обозначаемой реалии и 4) способ образования неологизма. (Там же, 43-51). Далее мы рассмотрим более подробно каждый из них.

1) **По виду языковой единицы** слова-неологизмы можно разделить на три категории. В первую категорию входят **неолексемы**, которыми являются полностью новые слова. Они могут создаваться путем заимствования (*relocation* → *релокация*) или результатом процессов словообразования (*специальная операция* → *спецоперация*). Во вторую категорию входят **неофраземы** – новые сочетания слов, то есть новые фразеологизмы (*специальная военная операция*). Третьей категорией вида языковой единиц составляют **неосемемы**, то есть новые значения старых, уже утвердившихся в словаре слов. (Там же, 43-54). Примером последнего может служить слово *ватник*, которое первоначально обозначало ватную куртку, а после события 2014 года в Украине, стало жаргонным пейоративом, которое в российско-украинском дискурсе используется для наименования лиц, поддерживающих современный политический режим в России.

2) Лексические новообразования классифицируются также **по признаку степени их новизны**. В данной классификации неологизмы делятся на **абсолютные** (слова и фразеологизмы, которых ранее в языке не было) и **относительные неологизмы** (слова и фразеологизмы, которые «вернулись» обратно в язык). (Там же, 45).

Относительные неологизмы состоят из трех групп. В первую группу входит так называемая **«вернувшиеся лексика»**, которая состоит из ранее малоупотребительных или устаревших слов, которые в определенном временном периоде стали вновь актуальными. К таким «вернувшимся» и сохранившим свое смысловое содержание словам можно отнести, например, религиозную лексику, которая после длительного времени советского периода вновь «актуализировалась» в годы перестройки. (Там же, 46).

Вторую группу относительных неологизмов составляет **актуализированная лексика**, то есть ранее существовавшие и вернувшиеся в русский язык слова, но используемые в современном этапе в ином смысловом содержании или с семантическими, стилистическими, оценочными или другими изменениями (Попова, 2005, 47). В качестве примера такого слова можно привести существительное *диссидент*, которое ранее толковалось как: «тот, кто отступает от господствующего в стране вероисповедания». В советское время слово актуализировалось, но уже в другом толковании – как: «такой, кто не следует коммунистической идеологии и противостоял существующему режиму». (Попова 2005, 20 > Складерская 2001, «Диссидент»).

Третью группу составляют неологизмы, появившиеся способом **внутреннего заимствования**. Как правило, это те слова, которые приходят в литературный язык из различных видов и жанров речи, в том числе из жаргона, молодежного сленга, просторечия, диалектов или профессиональной лексики. Примерами внутреннего заимствования могут служить, например, слова-неологизмы, пришедшие в словарь русского языка из медицины (*СПИД*) или из молодежной субкультуры (*тусовка*). (Попова 2005, 48-49).

Третья классификация неологизмов основана на виде обозначаемой реалии во временном пространстве. Неологизм может определять 1) совершенно новую, ранее не существующую реалию, 2) старую, ранее уже существующую реалию, 3) актуализированную реалию, 4) уходящую реалию и 5) несуществующую, но гипотетически представляемую реалию. (Там же, 49).

Четвертая классификация делит неологизмы по способу их образования. Т. В. Попова в своем пособии определяет три способа образования неологизма: заимствование, словообразование и семантическое новообразование. Первым способом является **внешнее или внутреннее заимствование** слова или фразеологизма. Во внешнем заимствовании языком-донором является другой язык. Такими заимствованиями являются, например, англицизмы – слова, которые заимствованные в русский из английского языка. Языком-донором внутреннего заимствования, в свою очередь, является подъязык (язык какой-либо области знания, жаргон, сленг, и. т.д.) русского языка. (Там же, 50).

Словообразовательные неологизмы являются по признаку способа их образования самой многочисленной и разнородной группой русских неологизмов. Они образуются путем аббревиатур (*СВО, ВСУ, ВС РФ*), или через использование суффиксов, префиксов, постфиксов и конфиксов, по моделям сложных слов (*анти-Украина*) или простых производных слов (*демилитаризация*). (Там же, 50-51).

Третий способ образования неологизма, это **семантические новообразования**, а именно слова или фразеологизмы, у которых возникли новые значения. Такие неологизмы образуются в основном путем 1) метафоризации (перенос смысла слова по семантическому сходству, например, *отмывание* денег, компьютерная *мышь*), 2) метонимизации (перенос смысла по рядоположенности), и 3) путем сужения или расширения значений слова, то есть путем специализации значения слова, или наоборот – когда слово начинает обозначать большее количество явлений (*пахать*: возделывать землю / тяжело работать). (Там же, 51).

3.4. Окказионализмы

Учитывая тему и объект исследования данной работы, в конце главы о теории неологизмов, следует подробнее ознакомиться еще с окказионализмами и их соотношением с неологизмами.

В современной лингвистике окказионализмы представляют собой слова, созданные при помощи имеющихся в языке моделей, в определенном контексте и для данного, одномоментного речевого акта. Своей особенностью, одномоментальностью, они отличаются от уже вошедших в оборот языка неологизмов. (Попова 2005, 26).

Термин *окказионализм* происходит от латинского (*occasio* – случайность) и был впервые использован в российской лингвистике уже в 1957-ом году филологом-японистом Наталией Исаевной Фельдман. Несмотря на это точного общепринятого и определения данному термину до сих пор нет. (Попова 2005, 26-27). Окказиональные слова отличаются от слов неологизмов прежде всего тем, что в них сохраняется чувство новизны и свежести. Также важным отличием от неологизмов является тесная связь окказионализмов с определенным контекстом. (Земская 2013, 238-239).

Окказиональные слова создаются однажды, по случаю. Таким образом, окказиональные слова являются «одноразовыми» и не общепринятыми – и тем самым противопоставляют себя неологизмам. Чаще всего их характеризуют как «авторские слова» (слова-самоделки) или как кратковременные по их существованию слова (слова-однодневки). (Попова 2005, 27.). Как замечает Е.А. Земская, подобным «авторским словам» свойственны выразительность и экспрессивность. Примером авторского словотворчества, Е.А. Земская приводит поэта Е. Евтушенко, поэзия которого, по словам Земской, «содержит богатейшие материалы незуального словообразования». (Земская 1992, 185).

В живой разговорной речи и в медиатекстах процесс образования новых слов идет особенно активно. Как отмечают лингвисты, в пространстве разговорной речи, доля слов, образованных незуальным способом, пока заметно меньше чем зуальных слов, однако доля первых неуклонно растет. Это объясняется тем, что незуальный способ экспрессивнее и выразительнее. (Шаталова 2009, 193-196).

Лингвисты (А. Г. Лыков, В. В. Лопатин) перечисляют несколько признаков окказиональных слов. Из них далее будут рассмотрены более подробнее те, которые имеют больше всего общего с темой данной работы.

Самым важным признаком является их **принадлежность речи**, в отличии от принадлежности к нормам языка. Окказионализмы часто нарушают общепринятые лексические нормы (во многих случаях это делается сознательно) в том числе в целях экспрессивности и окраски речи. Это наглядно демонстрируется при создании «военных неологизмов» аффиксальным способом, при участии буквы *Z*. (Земская 2013, 239).

Второй признак, это **индивидуальная принадлежность** слова конкретному автору. Так как окказиональные слова принадлежат в основном речи, они часто являются результатом словотворчества отдельных лиц – писателей, публицистов, спичрайтеров, и

т. д. Подобные слова встречаются часто в медиатекстах, газетах и журналах, в авторских колонках или в публикациях в социальных СМИ. Из-за их индивидуального характера, окказионализмы иногда называются *индивидуальными* или *авторскими* словами. (Земская 2013, 239).

Третий важный признак окказиональных слов, это их тесная **зависимость от контекста**. По сравнению с обычными, узуальными словами, у окказионализмов значительно больше зависимость от контекста, и их использование вне своего контекста, является часто невозможным. Таким образом, одним из специфических свойств окказиональных слов, является то, что они обслуживают именно определенный контекст. (Попова 2005, 30-31).

И наконец, четвертый признак окказиональных слов, это **экспрессивность** – то есть наличие в слове экспрессии и стилистической и эмоциональной окрашенности. При этом экспрессивность окказионального слова носит независимый характер и не привязана к контексту. Как замечает Т. В. Попова – чем больше окказиональное слово нарушает формальные правила языкового словообразования, тем больше экспрессивности содержится в данном слове. (Попова 2005, 31-32).

4. ВОЕННЫЕ НЕОЛОГИЗМЫ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ

Как уже было упомянуто в этой работе ранее – изменения в языке происходят особо интенсивно во времена ощутимых общественных преобразований или события, коим безусловно является в том числе и война.

Подобный процесс неологизации военной терминологии проходил в русском языке в годы Великой отечественной войны, а также и в 1980-е – 2000-е годы. Обновления военного лексикона в те годы можно условно разделить на два периода. В первые два десятилетия, которые совпали с распадом СССР, перестройкой и бурными изменениями в обществе, военные неологизмы родились в основном из-за запроса наименований новых реалий так же, как и из-за влияния афганской и двух чеченских войн. Позже, благодаря развитию российской армии и вооружения. (Шулежкова, Мiхiн 2020, 394).

Примерами неологизмов военной тематики того времени служат, например, такие сверхсловные фразеологизмы, как *груз 200*, *цинковые мальчики*, *шахидка-смертница* и

белые колготки. Второй период неологизации военного лексикона связан с развитием армии и появлению на свет новых видов оружия. Примерами неологизмов тех лет служат сверхсловные фразеологизмы *ночной охотник* ('новый вертолёт') (Шулежкова, Міхін 2020, 390).

4.1. Z как символ войны и военная морфема

Буква латинского алфавита *Z* стала, пожалуй, самым распространённым символом вторжения Российской Федерации в Украину. В 2022-ом году. По оценкам военных экспертов, первоначально буква *Z* служила тактической маркировкой военной техники сил РФ, а в последствии превратилась в почти что официальную символику «спецоперации». Роль буквы *Z* как с политической, так и с лингвистической точек зрения, крайне интересна.

Букву *Z* используют одновременно в государственной военной пропаганде также, как и в антивоенной риторике. Для одних она служит символом «денацификации» Украины, а для других с другой стороны политических баррикад – символом российской агрессии. Ее можно встретить как на патриотических акциях, так и в антивоенных граффити. Она начала заменять кириллическую букву *З* в названиях аккаунтов социальных сетей и даже в именах регионов (*КуЗбасс*). Букву также стали часто использовать в хештегах социальных сетей (*#ZaMир*», *#ZaРоссию*, *#ZaНауш*). В некоторых странах использование буквы в роли политического символа, запрещено законодательством. (Медуза 2022b, www).

Буква *Z* особенно интересна с позиции лингвистики и социолингвистики. В истории России и русского языка сложно найти подобного примера того, как одна единственная буква латинского алфавита повлияла на русский общественно-политический подъязык. Сама по себе буква является обозначением фонемы, то есть незначимом элементом слова, но в роли компонента существующих слов, она становится морфемой, значимой и сильной частью слова.

4.2. Аффиксальное словообразование при помощи буквы Z

«*Z*-неологизмы», это слова-неологизмы, которые образовались аффиксальным или субститутивным способом словообразования. Аффиксальное словообразования

включает в себя способы суффиксального или префиксального словообразования исходя из того, какого рода аффиксы участвуют в образовании слова. Слова-неологизмы, образованные при участии буквы *Z*, создаются несмешанными (чистыми) аффиксальным способом, так как *Z* может выступать одновременно в роли префикса или суффикса. (Земская 2013, 181).

Примерами суффиксального способа словообразования служат такие слова, как например, *День-Z* (24 февраля, начало «специальной военной операции») или *Операция-Z* («специальная военная операция»). Подобный формат (основное слово + буква латинского алфавита), встречался в русском языке и раньше. Он уже несколько лет используется, в том числе, в терминологии так называемой «теории поколений», в которой разные поколения описываются в формате *поколение* + буква *X*, *Y* или *Z*, например, *Поколение X*. (Plus-one.ru 2021, www.).

Любопытно заметить, что термин *Поколение Z* возник в русском языке задолго до февраля 2022 года именно в рамках «теории поколений». В данной теории он используется как термин, определяющий так называемых *зумеров* (поколение родившихся с 1997 по 2012 годам). Как понятие, связанное с войной, оно автору этого исследования в медиатекстах еще не встречалось, но в теории, такой термин мог бы существовать как, например, определение «поколения войны 2022 года».

Таким образом, *Поколение Z*, (как определение, тем или иным образом связанное с войной), является потенциальным словом, которое может появиться в словаре как реальное слово, а может и не появиться, если в нем нет нужды. Этот пример показывает, что морфема *Z* имеет потенциально высокую словообразовательную продуктивность. (Земская 2013, 227-228).

Подобные «*Z*-неологизмы» составляют приблизительно четверть из собранного автором корпуса неологизмов. В этой категории морфема *Z* встречается чаще всего в роли префикса и соединяется с основным словом через дефис (*Z* + дефис + основное слово), как, например, *Z-операция*.

«*Z*-неологизмам» свойственно то, что они встречаются как в провоенной, так и в антивоенной речах. Неологизмы, созданные аффиксом *Z*, имеют также определенно широкий спектр экспрессивности. Они могут быть субъективно-положительными (*Z-операция*), нейтральными (*Z-коры* – корреспонденты, которые освещают войну) или

негативными (*Z-помойки* – интернет-издания или каналы в социальных СМИ, которые освещают войну строго с прокремлевской повесткой).

Основную часть вышеописанной категории «*Z*-неологизмов» можно охарактеризовать как неосесемы – семантические новообразования, которые сформировались путем добавления (аффиксации) буквы *Z* к старым, уже утвердившимся в словаре словам. Большинство слов данной категории можно также отнести к категории окказиональных слов – так как они чаще всего имеют их признаки.

Как замечает Е. А. Земская в своей работе «Словообразование как деятельность», незуальные слова (слова, созданные необыкновенным, не общепринятым способом) часто создаются с помощью высокопродуктивных аффиксов, нарушая общепринятые законы словообразования. (Земская 1992, 187).

4.3. Субституция буквы *Z*

Кроме аффиксального способа словообразования, среди «*Z*-неологизмов» встречаются слова, образованные субституцией отдельных букв. В нашем случае новое содержание или повышение экспрессивности создается путем замены в исходном слове одной или двух букв *Z* или *C* в корневой морфеме слова буквой *Z*.

Наглядным примером такого рода субституции является встречающееся часто особенно в оппозиционных текстах слово *PoZZия*. Такое наименование страны имеет явное обновленное семантическое и переосмысленное содержание. Оно обозначает страну которая участвует в действиях, тесно связанных с символизмом буквы *Z*. А также, такого рода субституция добавляет к наименованию экспрессивности и эмоциональной окрашенности, так как визуально двойная буква *Z* напоминает свастику фашисткой Германии или эмблему войск СС.

К примерам подобных «фашистских *Z*-неологизмов» созданных путем субституции букв/буквы, можно также отнести слово *Zиганутые*. Им описывают людей, которые либо сами распространяют, либо находятся под воздействием националистических идей и лозунгов. Слово *зиговать* происходит от нацистского приветствия *Zиг хайль* (нем. Sieg Heil) – и тем самым уже само по себе имеет сильную эмоциональную окраску. Субституция в данном слове буквы *Z* на букву *Z*, придает слову актуальность и привязывает его к контексту войны в Украине.

4.4. Z-Окказионализмы

Большую часть «Z-неологизмов», созданных аффиксальным способом или способом субституции, можно отнести к окказионализмам, так как они содержат их признаки: 1) принадлежность речи и нарушение общепринятых лексических норм, 2) принадлежность конкретному автору, 3) зависимость от контекста, и 4) они содержат значительную долю экспрессии и стилистической и эмоциональной окрашенности.

В качестве примера подобных неузואльных слов и окказионализмов можно привести слово *БлиZкие*. Данное слово было использовано в описании к видео ⁴«Как убедить *блиZких*», в котором автор рассказывает о приемах, которые предназначены для переубеждения близких или родных, которые поддерживают военную политику Российской Федерации. В данном примере адресату (если он конечно знаком с контекстом) должна быть понятна разница между «близкими» и *блиZкими*.

Вторым примером служит слово *Z-экстрасенсы*, которое используется в заголовке серии подкаста⁵ «Z-экстрасенсы. Как устроен новый жанр российской пропаганды». В данной серии речь шла о телепередачах, в которых различные ясновидящие люди, колдуны и маги, предсказывают события и итоги войны (как правило, в пользу Кремля).

Встречаются весьма изобретательные и креативные «Z-неологизмы», которые могут включать в себе и игру слов. Примером такого слова является *ZaПутинцы*⁶, которое, с одной стороны, характеризует тех людей, которые «идут за Путиным» (то есть поддерживают политику Путина или Кремля), а с другой стороны, семантически указывают на их неверный путь, так как слово содержит в себе корень *запутанный* или *путаница*.

⁴ Савицкий, Вадим. 2023. «5 приемов переубеждения родных в 2023». YouTube. <https://www.youtube.com/watch?v=rr0nH7QVV8M>. (Просмотрено 20.03.2023.)

⁵ Горин, Вячеслав. 2023. «Z-экстрасенсы. Как устроен новый жанр российской пропаганды – для телезрителей, которые устали от политических ток-шоу и переключились.» *Подкаст Что случилось*. (Прослушано 20.03.2023.)

⁶ Милов, Владимир. 2022. «Как разговаривать с жертвами Пропаганды? Нестыковки в Путинской сказке о войне с Украиной». YouTube. https://www.youtube.com/watch?v=-ydaqsj9r_wQ. (Просмотрено 20.03.2023.)

Как мы хорошо видим из вышеприведенных примеров, созданные путем неузального словообразования слова выполняют три основных цели: экономию знаковых средств, повышение экспрессивности, эмоциональности и окрашенности в речи, а также смысловые функции. То есть с помощью таких слов можно емко описать сложные понятия (близкие, поддерживающие военную политику РФ → *БлиЗкие*), прибавить экспрессивности и эмоциональной окраски к понятиям (Россия → *РоZZия*) и придать к понятиям новый смысловую суть (*Z-экстрасенсы*). Как замечает Т.В. Попова:

Окказионализмы – это слова настоящие, и даже более нужные в определенном контексте, более насыщенные по смыслу и эмоциональной нагрузке, чем обычные, общепотребительные. (Попова 2005, 27).

4.5. Официальный военный новояз

В обращении Президента Российской Федерации В.В. Путина утром 24 февраля 2022, по подсчетам автора данной работы, было использовано приблизительно 15 слов или фразеологических неологизмов, которые можно отнести к категории «официального военного новояза». Причем некоторые из таких неологизмов, были в обращении озвучены публично впервые, как например, *специальная военная операция*.

Проведя анализ корпуса использованных в речи Путина неологизмов, можно сделать вывод о том, что активное и намеренное использование и популяризация таких слов и фразеологизмов преследует две основные цели: с одной стороны, использование эвфемизмов о войне, отдаляет население от сути реальных событий (*специальная военная операция, демилитаризация, денацификация* или *самозащита от создаваемых нам угроз* вместо слова *война*), а с другой стороны, придает эмоциональную окраску описанию «врага», заигрывая одновременно с исторической терминологией фашистского режима и национализма (*неонацисты, крайние националисты, нацики, анти-Россия*).

Кроме того, при описании президента и политической власти Украины, в речи используются выражения, целью которых является разделение власти и украинского народа на два разных субъекта. С помощью таких выражений-неологизмов, как, например, *киевский режим* и *антинародная хунта*, Путин косвенно пытается дать понять, что власть и народ в Украине разделены, и что правители Украины захватили себе власть нелегальным путем, не учитывая воли народа.

Характеризируя те страны, которые осуждают Россию и поддерживают Украину, в обращении используются такие выражения, как, например, *западные коллеги*, *западные партнеры* или *так называемый коллективный запад*. Вместе с одновременными упомянутыми в речи тезисами о традиционных ценностях Путин таким образом косвенно укрепляет парадигму *Мы – Они*.

Многие из используемых Путиным в его обращении слов и фразеологизмов вошли после 24 февраля в активный словарь провластных СМИ, комментаторов и аналитиков – тем самым создавая и поддерживая официальный *новояз*. Кроме этого, официальный «военный язык» поддерживается административными и судебными ресурсами, так как российским СМИ, а также и гражданам, официально запрещено использовать «запрещенную» военную терминологию и за несоблюдение правил, организациям или отдельным гражданам могут грозить наказания, вплоть до суровых.

4.6. Провоенная и антивоенная речь

Используемый набор терминов войны варьируется в зависимости от того, представляет ли адресант провоенную или антивоенную сторону или взгляды. Далее автором работы, будет приведено несколько примеров словоупотребления исходя из того, кто является адресантом. Вначале данной части работы мы представим примеры слов, используемые в провоенном дискурсе, затем продемонстрируем примеры словоупотреблений из антивоенной речи.

Как уже было сказано, провластные и оправдывающие войну круги, в том числе государственные СМИ, используют военные неологизмы в основном в целях избегания терминов, которые описывают реальное положение дел, которые могли бы вызвать неудовольствие или иные негативные реакции в обществе, а также для эмоциональной окраски, унижения, уничтожения «врага».

Особенно примечательная категория провластного военного дискурса, это «военные» эвфемизмы, то есть терминология, которую используют для нейтрализации эмоциональной «нагрузки». Такими словами или фразеологизмами официального новояза, являются, например, *специальная военная операция* (вместо войны), *частичная мобилизация* (вместо военной мобилизации), *перегруппировка фронта* (вместо потери позиции) и *линия прикосновения* (вместо фронта).

Отдельную категорию составляют военные неологизмы, которые используются для выражения презрения, унижения и дегуманизации врага. Часто используемыми неологизмами в данной категории являются, например; *укропы*, *укрофашисты*, *нацики*, *неонацисты* и *бандеровцы*. Несмотря на явные признаки жаргонности таких слов, они (особенно *укрофашисты*, *неонацисты* и *бандеровцы*), встречаются часто в новостных передачах государственных телеканалов.

В данном векторе развитии можно наблюдать некие параллели с постсоветским периодом, когда новостной язык освободился от строгих стилистических норм и в него пришли жаргонные выражения. Различие в причинах таких изменений – в постсоветские годы жаргонизация произошла вследствие освобождения от норм, а сейчас – в связи с политическим заказом.

В антивоенных речах, в свою очередь, военные неологизмы служат для 1) придания речи стилистической окраски 2) для лингвистической экономии при описании субъектов войны и ее последствий и для 3) иронизировании и насмешек над происходящим. В антивоенных речах также встречаются выражения, которые явно имеют корни в молодежном сленге. Можно предположить, что это происходит в связи с тем, что авторы антивоенных текстов в среднем моложе провоенных авторов.

Хорошими примерами иронии и насмешек над военными событиями в антивоенных речах, являются слова неологизмы, возникшие в ответ на событие, которое в официальном языке называется *частичная мобилизация*. Данное событие породило многие неологизмы, например, такие как, *могилизация* (от слов *могила* и *мобилизация*), *мобилизец* (*мобилизация* и *пиздец*), *мобик* (мобилизованный человек), *чмобик* (*чмо* + *мобик*). Интересно заметить, что большинство из приведенных примеров таких неологизмов образованы путем лексической контаминации, иначе говоря, словослияния.

Примером ранее упомянутого проникновения молодежного сленга в антивоенную речь служат слова *кринж* и *кринжатина* (англ. *cringe*), которыми часто описывают содержание провоенных ток-шоу и новостных передач, также, как и культурологические феномены *Z-патриотизма*.

Для описания ежедневных пресс-брифингов, которые читает руководитель Департамента информации и массовых коммуникаций Министерства обороны РФ, генерал-лейтенант И. Е. Конашенков, тоже существует свое слово неологизм: *Коношенщина*. Подобная модель (антропоним + *-изм/-щин(а)/-ств(о)*) образования

неологизмов, была особенно популярна в девяностые годы (*ельцинизм, хазбулатовщина*) (Попова 2005, 76).

Иногда в эмоционально окрашенных антивоенных речах встречаются также и слова, которые вероятнее всего заимствованы из украинского военного дискурса. В основном они используются или украинскими военными комментаторами, или российскими комментаторами, у которых сильная экспрессивность является показателем их особого стиля (например, стиль Александра Невзорова). Примерами таких слов являются такие пейоративные выражения как, *Русня, Мордор (Россия), москали, рашисты и орки* (русские, россияне, российские военные).

Выше приведенные примеры провоенного и антивоенного лексикона редко используются за пределами отдельных политических групп и кругов. Когда, например, в антивоенных речах используются фраза *специальная военная операция*, то ее обычно пишут в кавычках, или добавляют к нее определение *так называемая...* Явным исключением здесь служат «Z-неологизмы», которые встречаются равномерно как в провоенных, так и в антивоенных речах.

То, какие «Z-неологизмы» используются в том или ином контексте, зависит в многом от степени их субъективной эмоциональной окраски. Таким образом, окрашенный патриотическим оттенком хештег *ZaРоссию* встречается в основном только в провоенных речах, тогда как эмоционально экспрессивный *Zиганутые*, только в антивоенных речах.

Существуют также и примеры относительно нейтральных «Z-неологизмов», которые не имеют видимой эмоциональной окраски и используются равномерно приблизительно с тем же семантическими и эмоциональными значениями обоим сторонам. Примером такого слова служит, например, слово *Z-корреспондент* или *Z-кор* (провоенно настроенный корреспондент).

5. ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

За год с начала «специальной военной операции» или российской военной агрессии в Украине образовалось значительное число неологизмов и окказионализмов, связанных с войной и ее последствиями. Автору данной работы удалось путем анализа военных медиатекстов собрать корпус из нескольких десятков неологизмов и их вариаций.

Так называемые военные неологизмы находятся в активном употреблении как в провоенной, так и в антивоенной речах. Они используются в основном в целях пропаганды, для эмоциональной окраски субъектов и событий войны, а также и в целях лингвистической экономии при описании сложных понятий.

Военные неологизмы создаются как по каноническим и нормативным, так и ненормативным правилам словообразования. Примером последнего служат окказионализмы, созданные аффиксальным способом словообразования (в качестве аффикса *Z*) или субституции букв *C* или *З* буквой *Z*. Изучение роли буквы *Z* (и в меньшей степени букв *V* и *O*) в современном российском социально-политическом пространстве, заслуживает отдельного исследования.

Кроме примеров создания «военных неологизмов» ненормативными правилами словообразования, существуют также и примеры новообразования, созданные путем нормативных способов словообразования. Подобными способами являются, например, именная префиксация путем использования (в основном) иноязычных морфем (*-анти*, *-гипер*, *-контр*) с русскими основами. Примером подобного может служить часто используемое в «провоенной» речи слово *анти-Россия*, которой обычно описывают «вражескую» к России страну Украину. Вторым примером нормативного словообразования служат новообразования, созданные с участием *суффиксов* *-ик*, *-ник*, *-ист*, *-чик* / *-щик* и других. В качестве примера такого способа словообразования можно привести слово *мобик* (мобилизованный).

5.1. Категоризация «военных неологизмов»

Большую часть военных неологизмов на данный момент можно отнести к категории окказионализмов и большинство из них, вероятно, не войдут в будущие словари неологизмов. Это, так называемые слова-однодневки, которые создаются авторами медиатекстов и часто предназначены для «одноразового» использования. Однако самые удачные из них имеют потенциал стать популярными в контексте военного лексикона.

Официальный военный новояз использует военные неологизмы в основном для эвфемизации реальных понятий, таких как *война*, *фронт*, и т. д., также, как и для дегуманизации и унижения «врага» при помощи пейоративов. В антивоенных речах военные неологизмы используются в основном для эмоциональной окраски субъектов и последствий войны, для иронических насмешек и для экономии или унификации языка.

В ходе исследования стало заметно, что антивоенный лексикон заметно «моложе» провоенного и в нем встречаются неологизмы, корни которых уходят в молодежный сленг. Здесь интересно провести сравнения и выявить параллели с двумя самыми активными периода неологизации русского языка - с революцией 1917 года и с перестроечным периодом конца 80-х и начала 90-х.

Послереволюционные изменения в русском языке были в основном целенаправленными. Они имели политизированную мотивацию и одной из их задач было внедрить в язык идеалы нового общества, а также уничтожить явное лексическое наследие прошлого. Новая языковая идеология формировалась руководителями Октябрьской революции, она внедрялась в массы путем революционных речей на митингах и распространения через революционную прессу. (Дидковская 2018, 1-2).

Здесь заметны параллели и с современной неологизацией военного лексикона, так как новый идеологизированный язык создается (предположительно) идеологами и спичрайтерами работающими на власть. Этот язык внедряется в массы путем речей представителей властных структур, а также средствами массовой информации.

Параллелей с постсоветским периодом неологизации русского языка можно выявить по меньшей мере две. Во-первых, это потребность наименовать ранее не существующие понятия, такие как, например: *приватизация, ваучер, СМИ-релоант, операция Z*. Во-вторых, новый военный лексикон часто обладает повышенной экспрессивностью (особенно в антивоенной речи), что также было характерно для текстов прессы позднеперестроечного и постсоветского периодов, когда путем использования новых и более экспрессивных слов пытались придать понятиям эмоциональную окрашенность – чаще всего в негативном смысле (например: *демократия → дермократия*) (Moilanen 2006, 61).

5.2. Распределение «военных неологизмов» по категориям

В этом разделе перечислены «военные неологизмы», собранные и проанализированные автором данной работы. Перечисленные в таблице 1. слова и фразы разделены на четыре категории исходя из их функции и смыслового содержания.

1) В первой категории перечислены слова и фразы, которые описывают «врага» как субъекта. Неологизмами, перечисленными в этой категории, описывают в основном людей, политическую власть, или страну (неологизмы-антропонимы).

2) Во второй категории перечислены термины, при помощи которых в официальной речи называют саму «военную операцию» или ее цели. Слова и фразы данной категории собраны в основном из обращения В. В. Путина 24 февраля 2022 года, и они встречаются о основном в «Официальной речи» (ОфР). В данной категории чаще других встречаются неологизмы-эвфемизмы (Э) войны.

3) Третьею категорию составляют неологизмы, которыми описываются различные, в основном социальные последствия военной операции. Такими являются, например, мобилизация и последующая ей «релокация» особенно мужчин призывного возраста.

4) В четвертой категории перечислены так называемые «Z-неологизмы».

После каждого термина в таблице также указано в каких типах речи данный неологизм, согласно наблюдениям автора работы, чаще всего встречается (официальная речь = *ОфР*, провоенная речь = *ПвР*, антивоенная речь = *АвР*). Военные неологизмы-эвфемизмы в таблице обозначены буквой Э.

Таблица 1. «Военные неологизмы»

	1) Описание «врага»	Принадлежность к речи
1	Антинародная хунта	ОфР
2	анти-Россия	ОфР
3	Вагнеровци, вагнерци	ПвР
4	Ватник	АвР
5	Западные коллеги	ОфР
6	Западные партнеры	ОфР
7	Киевский режим	ОфР
8	Киевская хунта	ПвР
9	Киевские власти	ПвР
10	Коллективный запад	ОфР
11	Колорад	АвР
12	Крайние националисты	ОфР
13	Мордор	АвР
14	Нацики	ОфР
15	Неонацисты	ОфР
16	Оккупант	АвР
17	Орки	АвР
18	Правящий на территории Украины режим	ОфР

19	Расея	АвР
20	Рашисты	АвР
21	Русня	АвР
22	Укроп	ПвР
23	Укрофашист	ПвР
	2) Описание «операции»	
24	Демилитаризация	ОфР (Э)
25	Денацификация	ОфР (Э)
26	Линия прикосновения	ПвР (Э)
27	Мясной штурм	АвР
28	Перегруппировка	ПвР (Э)
29	Самозащита от создаваемых нам угроз	ОфР (Э)
30	Специальная военная операция (СВО), Спецоперация	ОфР (Э)
	3) Последствия «операции»	
31	Ветеранка	АвР
32	Задвухсотиться	АвР
33	Мобик	АвР
34	Мобилизец	АвР
35	Могилизация	АвР
36	Релокант	АвР
37	Частичная мобилизация	ПвР (Э)
38	Чмобик	АвР
39	Несогласные	АвР
40	Самоволка	АвР
41	СМИ-релокант	АвР
	4) «Z-неологизмы»	
42	БлиZкие	АвР
43	День Z	ПвР
44	Операция Z	ПвР, АвР
45	РоZZия	АвР
46	Зеднутся	АвР
47	ZaПутинцы	АвР
48	Zиганутые	АвР
49	Zиговать	АвР
50	Zиговать	АвР
51	Z-кор, Z-корреспондент	ПвР, АвР
52	Z-люди	АвР
53	Z-операция	ПвР, АвР
54	Z-помойка	АвР
55	Z-поэзия	АвР
56	Z-флешмоб	ПвР
57	Z-экстрасенсы	АвР

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Целями данной работы было собрать корпус «военных неологизмов», ознакомить читателя с основными понятиями словообразования современного русского языка, а также, с помощью примеров «военных неологизмов», провести более подробный анализ их лингво-семантических свойств.

В ходе работы были доказаны гипотезы о том, что используемые «военные неологизмы» зависят от того, к какой речи («провоенной» или «антивоенной»), они принадлежат. В ходе анализа терминологии была выявлена также и третья категория так называемой «официальной» речи. Неологизмы категории «официальной» речи отличаются от неологизмов категории «провоенной» речи в основном тем, что они немного менее экспрессивны, а также и тем, что категория содержит терминологию, которую можно описать как «военные эвфемизмы».

Путем анализа медиатекстов и того, как «военные неологизмы» используются в разных категориях речей, подтвердилась гипотеза и о том что, «военные неологизмы» крайне редко используются за пределами своих категорий.

Исключением здесь служат некоторые нейтральные по своей экспрессивности и эмоциональности «Z-неологизмы» (такие как *Z-корреспондент*). Исключением служат также такие «Z-неологизмы», эмоциональность и экспрессивность которых зависит от контекста, в котором они используются. Слово «операция Z», может быть использована в «провоенной» или «антивоенной» речах, с позитивной или с негативной окраской в зависимости от контекста (например: «Желаем удачи всем бойцом *операции Z*», или: «Начатая Путиным кровавая *операция Z*»). Данное явление не входило в первоначальную гипотезу, и было обнаружено в процессе анализа материала.

Так как на момент проведения данного исследования с начала *специальной военной операции* прошел год, научных исследований или статей на данную тему опубликовано не было. Существует уже значительное количество обзоров, заметок, интервью специалистов-лингвистов, лекций, подкастов, в основном научно-популярного характера. Всё это требует тщательного описания, анализа, исследования. С точки зрения лингвистики, социологии и политологии – тема безусловно важная и привлекательная, так что с большой долей вероятности можно предположить, что на эту тему будет еще написано много исследований.

Так как тема является в каком-то смысле «табуированной» и ее общественное обсуждение ограничено цензурой и законодательством, вполне возможно, что российских научных исследований на данную тему, опубликованных в Российской Федерации, в обозримом будущем мы не увидим. Из этого выходит, что ответственность за лексикографическую фиксацию и исследование данного пласта лексики ложится на ученых-лингвистов иностранных вузов и научных организаций.

В заключении стоит также отметить некоторые проблемные моменты, которые следует устранить или хотя бы принять во внимание при продолжении и расширении данной работы.

Самая очевидная из методологических проблем связана с отсутствием систематизации сбора корпуса неологизмов. Автором этой работы был использован произвольный способ, что для данной работы было оправдано, но для проведения более глубокого сравнительного анализа разных речей с точки зрения того, как они используются в разных форматах источников (интернет-издании, Ютуб, Телеграмм, подкасты), нужен более системный подход. В ходе продолжения работы, на систематический сбор корпуса неологизмов следует обратить более пристальное внимание. Второй момент связан с методом, который был использован для выявления слов-неологизмов в медиатекстах. Выборка слов проводилась на интуитивной основе, и таким образом является субъективной. Выбор данного метода был мотивирован и обоснован несколькими обстоятельствами.

Во-первых, сама тема является новой и «военные неологизмы» касательно войны в Украине еще не зафиксированы в словарях. Также, о них, на момент создания данной работы, было опубликовано лишь небольшое количество научных работ или научно-популярных статей. Таким образом, готового корпуса «военных неологизмов» не существовало. Во-вторых, у автора работы существует многолетний опыт наблюдения и анализа русскоязычных медиатекстов. Исходя из этого опыта, можно предположить, что у автора данной работы есть достаточно знаний и способность выявлять слова на интуитивной основе, через субъективное восприятие их новизны. В-третьих, согласно стилистической теории определения и характеристики неологизмов (см. 3.2.), эффект новизны который пользователь языка чувствует, может вполне и быть единственным критерием обнаружения неологизмов.

Как уже было сказано ранее, два самых активных периода неологизации русского языка прошедшего столетия были революция 1917 года и перестроечный период конца 80-х и начала 90-х (Сенько 2007, 20). Учитывая актуальную ситуацию, и исходя из того, что было выявлено при создании данной работы, можно поставить вопрос: стоит ли современный русский язык вновь у порога нового активного периода неологизации?

На данный момент ответ на этот вопрос скорее всего отрицательный, так как «военные неологизмы» – несмотря на то что они и встречаются в медиатекстах часто – в конце концов используются в основном в описании небольшой ниши повседневности – то есть в основном войны и ее последствий. Особенно, пока последствия войны не будут конкретно и ощутимо охватывать повседневную жизнь большинства обычных граждан, сложно представить, что война в Украине повлияет на неологизацию русского языка столь ощутимо и такими же быстрыми темпами, как в постсоветский период.

В дальнейших исследованиях было бы интересно обратить внимание на то, как изученный в этой работе словарь военных неологизмов войны в Украине используется в финских медиатекстах – то есть как финский язык заимствует русскоязычную терминологию, как она переводится и адаптируется в медиатекстах финских СМИ.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Исследовательский материал

Медуза. 2022а. «Роскомнадзор потребовал от 10 СМИ удалить «недостоверную информацию» о войне с Украиной. Он запретил называть войну войной». 26.2.2022. <https://meduza.io/news/2022/02/26/roskomnadzor-potreboval-ot-10-smi-udalit-nedostovernuyu-informatsiyu-o-voyne-s-ukrainoy-on-zapretil-nazyvat-voynu-voynou> (Просмотрено 10.1.2023)

Медуза. 2022b. «Буква Z — официальный (и зловещий) символ российского вторжения в Украину. Мы попытались выяснить, кто это придумал, — и вот что из этого получилось». 15.3.2022. <https://meduza.io/feature/2022/03/15/bukva-z-ofitsialnyu-i-zloveschiy-simvol-rossiyskogo-vtorzheniya-v-ukrainu-my-popytalis-vyyasnit-kto-eto-bridumal-i-vot-что-iz-etogo-poluchilos> (Просмотрено 11.2.2023)

Сайт Президента России. 2022. Обращение Президента Российской Федерации. 24.2.2022. <http://kremlin.ru/events/president/news/67843> (Просмотрено 10.1.2023)

ТАСС. 2022. «Россия запретила Instagram и Facebook за экстремизм». 21.3.2022. <https://tass.ru/obschestvo/14135927> (Просмотрено 12.1.2023)

Туркова, Ксения. 2013. «Озвучить, нежели чем, касаемо: зачем мы так говорим». <https://yarcenter.ru/articles/culture/space/ozvuchit-nezheli-chem-kasaemo-zachem-my-tak-govorim-68392/>. (Просмотрено 29.1.2023)

ВВС. 2022. «Прокуратура объяснила, почему в России запрещено слово "война". Это убедительно?» 21.7.2022. <https://www.bbc.com/russian/news-62248490> (Просмотрено 10.1.2023)

Brand Analytics. 2022. «Социальные сети в России: цифры и тренды, осень 2022». 16.11.2022. <https://br-analytics.ru/blog/social-media-russia-2022/> (Просмотрено 12.1.2023)

Plus-one.ru. 2021. «Теория поколений XYZ: чем отличаются иксы, игреки и зумеры». 17.12.2021. <https://br-analytics.ru/blog/social-media-russia-2022/> (Просмотрено 16.1.2023)

Литература

Дидковская, В. Г. 2018. «Революция и русский язык: О времени и о словах». Ученые записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. № 2 (14), 2018.

Земская, Е. А. 1992. *Словообразование как деятельность*. М.: Наука.

Земская, Е. А. 2013. *Современный русский язык. Словообразование: учебное пособие*. М.: Флинта: Наука.

Караулов, Ю. Н. 1997. «Неологизмы». В: *Русский язык - Энциклопедия*. Под ред. Ю. Н. Караулова. М.: Большая Российская энциклопедия. 262 с.

Касьянова, Л. Ю. 2006. *Векторы неологизации в современном русском языке*. Астрахань: Астраханский университет.

Котелова, Н. З. 1975. *Значение слова и его сочетаемость*. Ленинград: Наука

Котелова и др. 1978. Котелова, Н.З., Левашов, Е. А., Гак, О. eds. 1978. *Новые слова и словари новых слов*. Ленинград: Наука

Лопатин, В. В. 1973. *Рождение слова*. М.: Наука.

Попова и др. 2005. Попова, Т. В., Рацибурская, Л. В., Гугунава, Д. В, 2005. *Неология и неография современного русского языка*. Учебное пособие. М.: Флинта.

Сенько, Е. В. 2007. *Неологизация в современном русском языке: Международный аспект*. СПб.: Наука.

Чарыкова, О. Н. 2012. Чарыкова, О.Н., Попова, З. Д., Стернин, И. А. *Основы теории языка и коммуникации*. М.: Флинта.

- Циньсян, Ван. 2019. *Русские неологизмы-универбы: способы образования, семантика, особенности функционирования*. СПб.: Свет.
- Шаталова Ю. Н. 2009. «Неузуальные способы создания новых слов в повседневной разговорной речи». *Молодой ученый*, № 2, 2009.
- Шулежкова С., Міхін А. 2020. «Сверхсловные неологизмы военной тематики в современном русском языке». *Науковий вісник Ужгородського університету*, Випуск 2 (44).
- Moilanen, Kari. 2006. "Kielen uhmaikä – venäjän uudissananat yhteiskunnan peilinä", teoksessa *Katse Venäjään – suomalaisen Venäjä-tutkimuksen antologia*, toimittanut Jouko Nikula, 48-69. Aleksanteri-sarja 3.